

ФРИДРИХ
ДЕ ЛА МОТТ ФУКЕ

УНДИНА

Young Adult. Легендарные книги

Фридрих Фуке

Ундина

«ЭКСМО»

1811

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Нем)-44

Фуке Ф. д.

Ундина / Ф. д. Фуке — «Эксмо», 1811 — (Young Adult.
Легендарные книги)

ISBN 978-5-04-198682-7

Эта история вдохновила Ганса Кристиана Андерсена на написание «Русалочки»! Культовая история о любви и предательстве, написанная классиком зарубежной литературы Фридрихом де ла Мотт Фуке. По истории написано более 7 оперных произведений, снято более 10 художественных фильмов. Эта история продолжает жить в тысячах историй про русалок, морских дев и водных духов, которые по несчастливой случайности влюбляются в представителей рода человеческого. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Нем)-44

ISBN 978-5-04-198682-7

© Фуке Ф. д., 1811
© Эксмо, 1811

Содержание

Посвящение[1]	8
Глава первая. О том, как рыцарь приехал к рыбаку	10
Глава вторая. О том, как Ундина попала к рыбаку	14
Глава третья. О том, как они нашли Ундину	17
Глава четвертая. О том, что приключилось с рыцарем в лесу	20
Глава пятая. О том, как рыцарь жил на косе	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Фридрих де ла Мотт Фуке

Ундина

© Н.А. Жирмунская, перевод. Наследники, 2024

© Дымшиц В.А., стихотворный перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Посвящение¹

Ундина, с памятного дня,
Когда заметил я не даром
Твой чудный свет в преданье старом,
О, как ты пела для меня.
Как часто, пав ко мне на грудь,
Ты поверяла все обиды,
Дитя, проказливое с виду,
И вместе робкое чуть-чуть.
И лира чуткая моя
Звучала, отзываясь сразу
Вослед печальному рассказу,
Что от тебя услышал я.
И повесть о твоей судьбе
Пришлась читателям по нраву,
Хоть ты причудница, но, право,
Расположила их к себе.
Ундиночка, не бойся, нет,
Читатель хочет слово в слово

¹ Впервые было предпослано тексту во втором издании (1814). Было перепечатано среди стихотворений Фуке в 1820 г., затем в его автобиографии («Lebensgeschichte», 1840).

Услышать эту повесть снова:
Ступай же, не смущаясь, в свет.
Будь благонравна, господам
Дворянам поклонись смиренно,
Твоих поклонниц неизменных
Приветствуй – наших милых дам.
А спросят дамы обо мне,
Скажи им так: «Мечом и лирой
Средь бала, празднества, турнира
Ваш рыцарь служит вам вдвойне».

Глава первая. О том, как рыцарь приехал к рыбаку

Давным-давно, должно быть, много сотен лет тому назад, жил на свете добрый старый рыбак. Однажды вечером сидел он у своего порога и чинил сети. Хижина его стояла среди красивой приветливой местности. Поросшая сочной зеленой травой узкая коса вдавалась в большое озеро, ласково приникнув к прозрачной светло-голубой воде, а волны влюбленно простирали объятия навстречу цветущему лугу, колышущимся травам и свежей сени деревьев. Казалось, они пришли друг к другу в гости и потому и были так прекрасны. А вот людей здесь было не видать, кроме разве что рыбака и его домочадцев. Ибо к самой косе подступал дремучий лес, которого многие побаивались – уж очень он был темный и густой, да и водилась там всякая нечисть, которая выделяла невесть что; вот лучше было и не заглядывать туда без надобности. Но старый богобоязненный рыбак спокойно ходил через лес, когда ему случалось носить в город, что за лесом, вкусную рыбу, которую он ловил у себя на косе. Должно быть, потому ему так легко было идти там, что никаких дурных помыслов он не таил в душе, да и к тому же каждый раз, вступая во мрак этого ославленного людьми места, он звонким голосом и от чистого сердца затягивал какую-нибудь духовную песню.

Но вот в тот вечер, когда он, не ожидая ничего худого, сидел над своими сетями, на него вдруг напал необъяснимый страх – из лесного сумрака донесся неясный шум, он все близился и становился все слышнее, словно всадник ехал на коне. Все, что мерещилось старику ненастными ночами, все тайны зловещего леса сразу воскресли в его памяти, и прежде всего гигантская фигура загадочного белого человека, непрестанно кивавшего головой. Да что говорить – когда он глянул в сторону леса, ему явственно почудилось, будто за сплетением листвы стоит этот кивающий головой человек. Однако вскоре он совладал с собой, рассудив, что до сих пор и в самом лесу с ним не случалось ничего худого, а уж на открытом-то месте нечистая сила и вовсе не сможет взять над ним верх. Он тут же громко, в полный голос и от чистого сердца произнес стих из Священного Писания, это вселило в него мужество, и ему самому стало смешно, как это он мог так обознаться: кивающий головой человек внезапно обернулся

давно знакомым лесным ручьем, который стремил свои пенистые воды в озеро. Ну а шум, как оказалось, произвел нарядно одетый рыцарь на коне, выехавший из-под деревьев и приближавшийся к хижине. Его пурпурный плащ был накинут поверх голубого, расшитого золотом камзола, с золотистого берета ниспадали пунцовые и голубые перья; на золотой перевязи сверкал богато изукрашенный редкой работы меч; белый жеребец под ним выглядел стройнее обычных боевых коней и так легко ступал по траве, что на пестро-зеленом ковре и следов не оставалось. Старому рыбаку было все еще как-то не по себе, хоть он уже и смекнул, что такое прекрасное явление не сулит никакой опасности; он учтиво снял шапку перед подъехавшим всадником и продолжал спокойно чинить свои сети. Рыцарь остановился и спросил, не может ли он со своим конем найти здесь приют на ночь.

– Что до коня, господин мой, – ответил рыбак, – то для него у меня нет лучшей конюшни, чем эта защищенная деревьями лужайка, и лучшего корма, чем трава, что растет на ней. Вам же я с радостью предлагаю разделить со мной ужин и ночлег, какие мне самому послал господь.

Рыцарь был вполне доволен этим, он спешил, с помощью рыбака расседлал и разнуздal коня и, пустив его свободно пастись на цветущей лужайке, сказал хозяину:

– Если бы ты и оказался менее радушным и приветливым, славный старик, тебе бы все равно сегодня от меня не избавиться; ведь перед нами – большое озеро, а пускаться на ночь глядя в обратный путь через этот лес с его диковинами – боже нас спаси и помилуй!

– Лучше и толковать об этом не будем! – сказал рыбак и повел гостя в хижину.

Там, у очага, освещавшего скудным отблеском огня полутемную опрятную горницу, сидела в высоком кресле старуха – жена рыбака. При виде знатного гостя она встала и приветливо поклонилась ему, но затем снова заняла свое почетное место, не предложив его пришельцу, на что рыбак с улыбкой заметил:

– Не взыщите, молодой господин, что она не уступила вам самого лучшего сиденья в доме; таков уж обычай у нас, бедных людей, самое удобное место отведено старикам.

– Э, муженек, – молвила со спокойной улыбкой жена. – Что это тебе в голову взбрело? Ведь гость наш не какой-нибудь нехристь, так неужто захочет он согнать с места старого человека? Садитесь, – продолжала она, обращаясь к рыцарю, – вон там есть еще один стул, вполне пригодный, только глядите не ерзайте и не слишком сильно двигайте его, а то у него одна ножка не очень прочно держится.

Рыцарь осторожно придвинул стул, с улыбкой опустился на него, и на душе у него стало вдруг так легко, словно он давно уже свой в этом маленьком домике и сейчас только воротился сюда издалека.

Между этими тремя славными людьми завязался дружеский разговор. Правда, о лесе, о котором рыцарь все норовил побольше расспросить, старик не очень-то хотел рассказывать, и уж меньше всего сейчас, на ночь глядя; ну, а о своем хозяйстве и прочих делах супруги толковали весьма охотно и с любопытством слушали рассказы рыцаря о его странствиях и о том, что у него замок у истоков Дуная и что зовут его господин Хульдбранд фон Рингштеттен². Во время беседы гостю не раз слышалось что-то вроде плеска у низкого окошка, словно кто-то брызгал в него водой. Старик при этом звуке всякий раз недовольно хмурился; а когда наконец в стекло ударила целая струя и брызги сквозь плохо пригнанную раму попали в горницу, он сердито встал и угрожающе крикнул в сторону окна:

– Ундина! Кончишь ли ты когда-нибудь озорничать? Да к тому же сегодня у нас в доме гость.

² «...зовут его господин Хульдбранд фон Рингштеттен». – Родовое имя героя повести совпадает с фамилией автора; как пишет Фуке в биографии своего деда («Lebensbeschreibung des Generals Fouque», 1824), старофранц. «la Motte» означает «окрестность замка», что соответствует немецкому «Ringstätten».

Снаружи все смолкло, потом послышался чей-то тихий смешок, и рыбак сказал, возвращаясь на место:

– Вы уж извините ее, достопочтенный гость, может, она еще какую штуку выкинет, но это без злого умысла. Это наша приемная дочка Ундина; все никак не может отвыкнуть от ребяческих замашек, хоть и пошел ей осьмнадцатый год. Но сердце у нее доброе – это уж верно вам говорю!

– Да, хорошо тебе говорить! – возразила, покачав головой, старуха. – Ты-то вернешься с рыбной ловли или там из города, и тебе кажутся милыми ее шутки. А вот когда она день-деньской вертится перед носом, да ни одного путного слова от нее не услышишь, и в хозяйстве помощи никакой – в мои-то годы! – да еще боишься все время, как бы не погубила она нас своими глупостями, – это уж совсем другое дело, тут и святой не вытерпит!

– Ну ладно, ладно, – усмехнулся хозяин. – У тебя – Ундина, у меня – озеро. Ведь и оно порой рвет мои сети и пробивает верши, а все равно я люблю его, а ты, несмотря на всю маету, любишь эту милую девчущку. Не так ли?

– И то правда, по-настоящему на нее и сердиться-то нельзя, – отвечала старуха, с улыбкой кивнув головой.

В эту минуту дверь отворилась, и белокурая девушка поразительной красоты со смехом скользнула в комнату.

– Ты просто обманул меня, отец! Где же ваш гость? – спросила она, но в ту же минуту, увидев прекрасного рыцаря, застыла в изумлении. Хульдбранд залюбовался прелестной фигуркой, торопясь запечатлеть в своей памяти пленительные черты, пока девушка еще не оправилась от изумления и из скромности не отвернулась от него. Но все вышло совсем иначе. Она долго глядела на него, потом доверчиво к нему подошла, опустилась перед ним на колени и молвила, играя золотой медалью на драгоценной цепочке, висевшей у него на груди:

– О прекрасный, приветливый гость, как же очутился ты в нашей бедной хижине? Ты, верно, долго блуждал по белу свету, прежде чем попасть к нам? Ты пришел из страшного леса, прекрасный друг?

Старуха не дала ему ответить – она стала бранить девушку и велела ей тотчас же встать с колен и приниматься за работу. Ундина, не отвечая ей, придвинула к стулу Хульдбранда низенькую скамеечку, уселась на нее со своей пряжей и кротко молвила:

– Вот здесь я и буду работать.

Старик повел себя так, как обычно ведут себя родители с избалованными детьми. Он притворился, что не заметил ослушания Ундины, и попытался завести разговор о чем-нибудь другом. Но девушка не дала ему и рта раскрыть. Она сказала:

– Я спросила нашего дорогого гостя, откуда он, и еще не получила ответа.

– Я действительно пришел из леса, моя красавица, – ответил Хульдбранд, а она продолжала:

– Ну а теперь расскажи мне, как ты туда попал – ведь другие люди боятся туда ходить – и что диковинного с тобой там приключилось, – потому что ведь не могло же не приключиться!

Хульдбранд слегка вздрогнул при этом воспоминании и невольно глянул в окно – ему почудилось, будто вот-вот оттуда ухмыльнется одна из тех образин, что повстречались ему в лесу. Но за оконным стеклом была лишь глухая черная ночь. Совладав с собой, он только что собирался начать свой рассказ, как старуха перебила его словами:

– Не время, господин рыцарь, не время сейчас для таких историй!

Ундина в сердцах вскочила со своей скамеечки, уперла в бока красивые руки и воскликнула, подступив к рыбаку вплотную:

– Не время рассказывать, отец? Не время? Но я так хочу! Пускай, пускай рассказывает!

И она топнула стройной ножкой об пол, но все это – с такой кокетливой грацией, что Хульдбранду было еще труднее отвести глаза сейчас от ее разгневанного личика, чем прежде,

когда она была сама кротость. Однако у старика прорвалось наконец долго сдерживаемое раздражение. Он накинулся на Ундину, упрекая ее за ослушание и дурное поведение при постороннем, жена вторила ему. Тогда Ундина крикнула:

– Коли вам нравится браниться и вы не хотите исполнять мои просьбы, спите одни в вашей старой прокопченной хижине! – и, стремглав вылетев из дома, она в мгновение ока скрылась в ночной тьме.

Глава вторая. О том, как Ундина попала к рыбаку

Хульбранд и рыбак вскочили с мест и бросились вдогонку за рассерженной девушкой. Но когда они выбежали наружу, Ундины и след простыл, и даже шорох ее маленьких ножек затих, так что нельзя было узнать, в какую сторону она убежала. Хульбранд вопросительно взглянул на хозяина дома; он готов уже был поверить, что прелестное видение, так быстро потонувшее во мраке ночи, было не более чем одним из диковинных образов, что морочили его только что в лесу; но старик пробурчал себе под нос:

– Это она уже не в первый раз так! А теперь вот промаешься всю ночь без сна и покоя: кто знает, не случится ли с ней чего худого там, в темноте, ведь одна-одинешенька до самой зари!

– Так пойдем же за ней, отец, бога ради! – тревожно воскликнул Хульбранд. Старик возразил:

– Зачем? Грех было бы отпускать вас одного глухой ночью в погоню за глупой девчонкой, а моим старым ногам не догнать эту озорницу, даже если бы мы знали, куда она побежала! – Тогда давайте хотя бы покличем ее и попросим вернуться, – сказал Хульбранд и взволнованным голосом стал звать: – Ундина, ах Ундина! Воротись же!

Старик, покачивая головой, все твердил, что криком тут не поможешь; господин рыцарь еще не знает, какая она упрямица. Но при этом и сам он не мог удержаться, чтобы время от времени не позвать:

– Ундина! Ундиночка! Прошу тебя, вернись хоть на этот раз!

Но все было так, как он предсказывал. Ундины не было ни видно, ни слышно, и так как старик ни за что не хотел допустить, чтобы Хульбранд один отправился на поиски беглянки, оба, наконец, вынуждены были вернуться в хижину. Здесь они увидели, что огонь в очаге почти погас, а хозяйка, которая куда менее близко к сердцу принимала бегство Ундины и грозящие ей опасности, уже отправилась на покой. Старик раздул тлеющие угли, подбросил сухих дров и, сняв с полки при свете вновь вспыхнувшего огня кувшин с вином, поставил его меж собой и гостем.

– Вы тоже тревожитесь за глупую девчонку, господин рыцарь, – молвил он, – давайте лучше скоротаем ночь за вином и беседой, чем ворочаться без сна на тростниковой подстилке. Не так ли?

Хульдбранд охотно согласился, рыбацк усадил его на освободившееся почетное место хозяйки, и оба занялись беседой и вином, как и подобает честным и добропорядочным людям.

Правда, при малейшем шорохе за окном, а порою когда и вовсе ничего не было слышно, кто-нибудь из них поднимал голову со словами: «Это она!» Тогда они умолкали на мгновение, а потом, убедившись, что никого нет, вздохнули и, покачав головой, продолжали разговор. Но так как они не могли думать ни о чем другом, кроме Ундины, то рыцарю только и оставалось, что выслушивать историю о том, как Ундина попала к старому рыбаку, а старику – рассказывать эту историю. Поэтому он начал так:

– Тому, должно быть, лет пятнадцать, шел я однажды глухим лесом в город со своим товаром. Жена, как водится, оставалась дома, а в этот раз была на то и особая, радостная причина: господь послал нам – в наши уже преклонные годы – прелестного младенчика. То была девочка, и мы все толковали меж собой, не покинуть ли нам ради ее блага нашу уютную косу и не поселиться ли где-нибудь в более людном месте, чтобы дать достойное воспитание этому сокровищу, ниспосланному нам небесами. По чести говоря, господин рыцарь, у нас, бедных людей, с этим обстоит не совсем так, как вам, быть может, кажется; но бог ты мой! Каждый делает то, что в его силах. Ну, так вот, шел я, и всю дорогу дело это не выходило у меня из головы. Наша коса так уж мне полюбилась, и такая тоска брала меня всякий раз, как попаду в городскую сутолоку и шум, что я говорил себе: «Вот и ты вскорости поселишься на таком же бойком месте или другом каком, еще и того хуже!» При всем том я не роптал на господя моего, а, напротив, в мыслях горячо благодарил его за наше дитячко, и еще от чистого сердца и по всей правде скажу, что ни на том, ни на обратном пути через лес со мной не приключилось ничего худого или необычного, да и вообще-то ничего ужасного я там никогда не видывал. Господь всегда был со мной среди тех диковинных теней.

Тут он сдернул шапчонку с лысой своей головы и на некоторое время умолк, творя про себя молитву. Затем вновь прикрыл голову и продолжал:

– Здесь уже, по эту сторону леса, о да, по эту сторону ждала меня беда. Жена выбежала мне навстречу, слезы ручьями лились у нее из глаз; она была в трауре. «Господи боже! – простонал я. – Где же наш ребеночек? Говори!» – «У того, к кому ты только что воззвал», – ответила она, и молча мы вошли в хижину. Я тщетно искал глазами маленькое тельце; и тут только узнал, как все это приключилось. Жена сидела с девочкой на берегу озера, весело и беззаботно играла с ней, как вдруг малютка, сидя у нее на руках, перегнулась вперед, словно увидела в воде что-то удивительно прекрасное; жена еще слышит ее смех, видит, как она, наш ангелочек, перебирает ручонками – и в мгновение ока, быстрым движением выскальзывает из ее рук прямо в озеро. Я потом долго искал маленькую утопленницу; но так и не нашел; она как сгинула.

И вот сидим мы, осиротелые родители, в тот вечер в хижине: говорить нам не вмоготу, даже если бы слезы и не душили нас. Сидим и смотрим на огонь в очаге. Вдруг слышим – что-то зашуршало за дверь; она отворилась: на пороге стояла прелестная девчушка лет трех-четырех, в нарядной одежде, и улыбалась нам. Мы онемели от изумления; я даже не сразу понял – то ли это и вправду крошечное человеческое существо, то ли мне просто привиделось. Но тут я заметил, что у нее с золотистых волосиков и с богатого платья струится вода, и смекнул, что ребенок упал в воду и ему нужно помочь.

– Жена, – говорю, – нам никто не мог спасти наше бесценное дитячко; так принесем же хоть другим то счастье, которым судьба обделила нас.

Мы раздели малютку, уложили в постель, напоили горячим, она же не произнесла ни слова, а только все улыбалась, не сводя с нас голубых, как озерная гладь, очей.

На другое утро стало ясно, что ничего худого ей не сделалось, и я стал спрашивать, кто ее родители и откуда она. В ответ мы услышали какую-то странную и сбивчивую историю. Должно быть, она была родом откуда-то издалека, ибо я не только за все эти пятнадцать лет не смог ничего разузнать о ее родителях, но и сама-то она говорила, да и теперь порой говорит такие диковинные вещи, что впору думать, не свалилась ли она, чего доброго, с луны. Все толкует о каких-то золотых дворцах с хрустальной крышей и еще бог весть о чем. Самый вразумительный из ее рассказов – это как она с матерью отправилась на прогулку по озеру, упала с лодки в воду, а пришла в себя уже только здесь, под деревьями, и тут-то, на веселом бережку, сразу почувствовала себя как дома.

Ко всему этому у нас прибавилась еще одна серьезная забота.

То, что мы оставим ее у себя и воспитаем найденыша вместо нашей утонувшей дочурки, – это-то мы решили сразу. Но кто знает, крещена ли девочка? Сама она ничего не могла сказать об этом. То, что она сотворена на славу и на радость господу, она знает – так отвечала она нам много раз, – и все, что делается на славу и на радость господу, пусть сотворят и с нею.

Мы с женой рассудили так: ежели она не крещена, то нечего тянуть с этим, ну, а ежели крещена, то маслом каши не испортишь, – в хороших вещах лучше сделать слишком много, чем слишком мало. И вот стали мы думать, какое бы ей выбрать имя покрасивее, ведь все равно мы не знали, как нам ее звать. Наконец, решили, что лучше всего ей подойдет Доротея – когда-то я слышал, что оно значит «дар божий»; а ведь она и была нам послана в дар господом, чтобы утешить нас в горе. Но она и слышать об этом не хотела и все твердила, что родители звали ее Ундиной; Ундиной она и хочет остаться. Ну а мне это имя казалось каким-то языческим, да и в святцах его нет; вот я и надумал посоветоваться со священником в городе. Тот тоже никогда не слыхал такого имени – Ундина. С трудом упросил я его отправиться со мной через заколдованный лес, чтобы совершить у нас в хижине обряд крещения. Малютка стояла перед нами такая прелестная в своем нарядном платьице, что сердце у священника растаяло, она так сумела подольститься к нему и тут же так забавно и мило упрямылась, что все доводы против имени Ундина разом вылетели у него из головы. Словом, так и окрестили мы ее Ундиной, и во все время обряда вела она себя благонаравно и послушно, хотя обычно была шаловливой и непоседливой. Вот уж в чем жена права: хлебнули мы с ней лиха. Порассказать бы вам.

Рыцарь перебил рыбака, обратив его внимание на шум, как бы от мощных ударов волн о берег; он еще раньше доносился сквозь речь старика; теперь же с возрастающей силой раздавался у самых окон хижины. Оба собеседника выскочили за дверь и при свете взошедшей луны увидели, что ручей, струившийся из леса, вышел из берегов, и вода бешено несется, увлекая в водовороте камни и древесные стволы. Словно разбуженная этим грохотом, буря прорвала густые тучи, мчавшиеся по небу; озеро ревело под ударами хлещущего ветра, деревья на косе содрогались от корней до самых верхушек и в изнеможении сгибались под бушующими волнами.

– Ундина! боже милостивый, Ундина! – звали перепуганные мужчины. Но никто не отзывался, и тогда, уже ни о чем не думая, крича и зовя ее, они бросились вон из хижины в разные стороны.

Глава третья. О том, как они нашли Ундины

Чем дальше мотался Хульдбранд в ночном мраке, так никого и не находя, тем больше смятение и тревога охватывали его. Мысль о том, что Ундина – всего лишь лесной дух, с новой силой овладела им. Ужо и сама коса, и хижина, и ее обитатели казались ему сейчас, среди завывания волн и ветра, среди полностью преобразившейся, еще недавно столь мирной местности обманчиво дразнящим наваждением; но издали по-прежнему сквозь грохот бури доносились тревожные крики рыбака, звавшего Ундины, и громкие молитвы и пение старухи. Наконец, вплотную подойдя к разлившемуся ручью, он увидел, что тот стремится своим необузданным бегом наперерез таинственному лесу, и коса тем самым превратилась в остров. «Боже милостивый! – подумал он. – Что, если Ундина отважилась сделать хоть шаг в этом страшном лесу, быть может, в своем сметном упрямстве, именно потому, что я не захотел рассказывать ей о нем, а тут поток отрезал ее, и она плачет одна-одинешенька там, среди этой нечисти!» Крик ужаса вырвался у него, он стал спускаться к бурлящему потоку, цепляясь за камни и поваленные деревья, чтобы перебраться через него вброд или вплавь и броситься на поиски пропавшей девушки. Ему мерещилось, правда, все жуткое и диковинное, что видел он еще днем под этими стонущими и скрипящими ветвями; в особенности же высокий белый человек на другом берегу – теперь он сразу узнал его – ухмылявшийся и непрестанно кивавший головой. Но именно эти зловещие видения с силой погнало его вперед, как только представилась ему Ундина, совсем одна среди них, объятая смертельным ужасом. Он уже схватил было толстый сосновый сук и, опершись на него, ступил в середину потока, пытаясь удержаться на ногах; с твердой решимостью он шагнул глубже, как вдруг рядом с ним раздался мелодичный голосок:

– Не верь, не верь ему! Он коварен, этот старик, этот поток!

Он узнал милый звук этого голоса, остановился как вкопанный во мраке, внезапно скрывшем лунный свет, и у него закружилась голова от вихря бурлящих волн, которые неслись вперед, обдавая его по пояс. И все же он не собирался отступать.

– Если ты не существуешь, если ты всего лишь мираж, я не хочу больше жить, хочу стать тенью, как ты, милая, милая Ундина! – он громко произнес эти слова и снова шагнул в глубь потока.

– Да оглянись же, оглянись, дурачок! – послышалось вновь совсем рядом, и, глянув в ту сторону, он увидел при свете внезапно вышедшей из-за туч луны под сплетенными ветками деревьев на маленьком островке среди бурлящего потока Ундину, со смехом прильнувшую к траве.

О, как кстати ему пришелся теперь его сук! В несколько прыжков одолел он расстояние, отделявшее его от девушки, и очутился рядом с ней на маленьком клочке земли, надежно заслоненном шумящей листвой вековых деревьев. Ундина слегка приподнялась, обвила руками его шею и притянула к себе на мягкую траву.

– Вот здесь ты мне все и расскажешь, прекрасный мой друг! – шепнула она. – Здесь эти старые ворчуны не услышат нас! А этот навес из листьев наверняка уж стоит их жалкой хижины!

– Это само небо! – ответил Хульдбранд и обнял ее, осыпая страстными поцелуями.

Между тем старый рыбак подошел к берегу ручья и крикнул молодым людям:

– Эй, господин рыцарь, я приютил вас, как это принято между честными людьми, а вы тут милуетесь тайком с моей приемной дочкой, да к тому же еще заставляете меня тревожиться и искать ее среди глубокой ночи!

– Я сам только что нашел ее, отец, – ответил рыцарь.

– Тем лучше, – сказал рыбак. – Ну, а теперь не мешкая приведи-ка ее сюда, на твердую сушу.

Но Ундина и слышать о том не хотела – уж лучше она отправится с прекрасным чужеземцем в дремучий лес, чем вернется в хижину, где ей во всем перечат и откуда прекрасный рыцарь все равно рано или поздно уедет. С невыразимой прелестью она запела, обнимая Хульдбранда:

«Мечтая о просторе,
Волна, покинув падь,
Умчалась в сине море
И не вернется вспять».

При звуках этой песни старый рыбак горько заплакал, но ее это ничуть не тронуло. Она продолжала целовать и ласкать полюбившегося ей гостя, который, наконец, сказал ей:

– Ундина, если тебя не трогает горе старика, то меня оно растрогало. Пойдем к нему!

Она в изумлении раскрыла свои огромные голубые глаза и наконец произнесла медленно и неуверенно:

– Ты думаешь? Хорошо, я согласна со всем, чего ты хочешь. Но пусть этот старик сперва обещает мне, что даст тебе рассказать обо всем, что ты видел в лесу, и – ну, а остальное сладится само собой!

– Ладно, ладно, только воротись! – крикнул ей рыбак, не в силах вымолвить больше ни слова. И он протянул ей руки через ручей и кивнул головой в знак согласия на ее требование; при этом его белые волосы как-то чудно упали ему на лицо, и Хульдбранд вновь вспомнил кивавшего головой белого человека из леса. Но, отогнав от себя это наваждение, рыцарь обнял девушку и перенес ее через бурлящий ручей, отделявший островок от твердой суши. Старик прижал Ундину к сердцу, осыпал поцелуями и не мог наглядеться и нарадоваться на нее; появилась и старуха и тоже старалась ласками умиловить беглянку. Никто уже и не думал упрекать ее, тем более что и Ундина, забыв свой гнев, осыпала приемных родителей нежными словами и ласками. Заря уже занималась над озером, когда они, наконец, пришли

в себя после радостной встречи; буря утихла, птицы дружно запели на влажных ветвях. Так как Ундина все еще настаивала на обещанном рассказе рыцаря, старики с улыбкой покорились ее желанию. Завтрак накрыли за хижиной, под деревьями со стороны озера, и все уселись, радостные и довольные; Ундина, которая ни о чем другом и слышать не хотела, устроилась на земле у ног рыцаря, и Хульдбранд начал свой рассказ.

Глава четвертая. О том, что приключилось с рыцарем в лесу

– Тому назад дней восемь приехал я в имперский город, что находится за лесом. Там как раз готовился турнир и другие рыцарские состязания. Я принял в них участие, не щадя ни коня, ни копья. И вот как-то, когда я, отдав шлем одному из моих оруженосцев, остановился у барьера, чтобы передохнуть немного от этих радостных трудов, мне бросилась в глаза прекрасная дама в богатом убранстве; она сидела на галерее и смотрела на состязания. Я спросил своего соседа, кто это, и узнал, что зовут ее Бертальда и она приемная дочь одного из самых могущественных герцогов этого края. Я заметил, что и она глядит на меня, и, как это бывает с нами, молодыми рыцарями, если поначалу я твердо сидел в седле, то теперь уж и подавно. Вечером я был ее кавалером на танцах, и так продолжалось ежедневно до конца торжеств.

Резкая боль в свисавшей левой руке прервала речь Хульдбранда и привлекла его взгляд к больному месту. Ундина вонзила свои жемчужные зубки ему в палец, и вид у нее был при этом хмурый и недовольный. Но тут же она заглянула ему в глаза с нежностью и грустью и еле слышно прошептала:

– Вы поступили бы точно так же! – Потом она прикрыла лицо руками, а рыцарь, ошеломленный и растерянный, продолжал свой рассказ:

– Эта Бертальда оказалась девушкой надменной и своенравной. На другой день она уже нравилась мне гораздо меньше, чем в первый, а на третий – еще того меньше. Но я оставался при ней, ибо она была ко мне милостивее, чем ко всем другим рыцарям, и так получилось, что я шутя попросил у нее перчатку.

– Я дам вам ее, – молвила она в ответ, – если вы и только вы один расскажете мне, каков же на самом деле этот знаменитый лес, о котором бродит столько дурных толков.

Не так уж нужна была мне ее перчатка, но слово есть слово, и какой же рыцарь, маломальски наделенный честолюбием, заставит дважды просить себя пройти такой искус...

– Вы, наверное, полюбились ей? – перебила его Ундина.

– Похоже на то, – отвечал Хульдбранд.

– Ну, тогда она, должно быть, очень глупа, – со смехом воскликнула девушка. – Гнать прочь от себя того, кого любишь, да еще в такой лес, о котором ходит худая слава! Уж от меня-то этот лес и все его тайны не дождалось бы ничего подобного!

– Итак, вчера утром я отправился в путь, – продолжал рыцарь, ласково улыбнувшись Ундине. – Стволы сосен розовели в утренних лучах, ложившихся светлыми полосами на зеленую траву, а листья так весело перешептывались, что я в душе посмеивался над людьми, которые опасаются чего-то страшного от этого мирного места. Скоро я проеду лес насквозь туда и обратно, говорил я себе, довольно улыбаясь, но не успел и оглянуться, как уже углубился в густую зеленоватую тень, а открытая прогалина позади меня исчезла из виду. Тут только мне пришло на ум, что в таком огромном лесу я легко могу заблудиться, и это и есть, пожалуй, единственная опасность, грозящая здесь путнику. Я остановился и посмотрел на солнце – оно стояло уже довольно высоко. Взглянув вверх, я увидел в ветвях могучего дуба что-то черное. Подумав, что это медведь, я схватился за меч; и тут вдруг оно говорит человеческим голосом, но хриплым и отвратительным:

– Если бы я здесь, наверху, не наломал сучков, на чем бы тебя, дуралея, сегодня в полночь стали жарить?

И ухмыльнулось, и зашуршало ветвями; мой конь шарахнулся прочь и понес меня, так что я не успел рассмотреть, что это была за чертовщина.

– Лучше не поминайте его, – молвил старый рыбак и перекрестился; жена молча последовала его примеру.

Ундина устремила ясный взгляд на своего милого и сказала:

– Самое лучшее во всей истории – это то, что на самом деле его не изжарили. Дальше, прекрасный юноша!

Рыцарь продолжал свой рассказ:

– Мой перепуганный конь чуть было не разбил меня о стволы и торчащие сучья. Он был весь в мыле от испуга и возбуждения, и я никак не мог осадить его. Он несся напрямик к каменистому обрыву; и тут мне почудилось, будто наперерез взбесившемуся жеребцу кинулся какой-то длинный белый человек; испуганный конь остановился, я вновь сладил с ним и тут только увидел, что спасителем моим был никакой не белый человек, а светлый серебрястый ручей, бурно низвергавшийся с холма и преградивший своим течением путь коню.

– Благодарю тебя, милый ручей! – воскликнула Ундина, захлопав в ладоши. Старик же только задумчиво покачал головой.

– Не успел я твердо усестись в седле и натянуть поводья, – продолжал Хульдбранд, – как вдруг откуда ни возьмись рядом со мной очутился диковинный человечек, крошечный и безобразный, с изжелта-смуглым лицом и огромным носом, почти такой же величины, как он сам. Большой рот его был растянут в глупой ухмылке, он непрестанно отвешивал поклоны и шаркал ногой. Мне стало очень не по себе от этого паясничанья, я коротко кивнул в ответ, повернул моего все еще дрожащего коня и мысленно пожелал себе другого приключения, а буде такого не окажется, – пуститься в обратный путь, ибо солнце тем временем уже начало клониться к закату. Но тут этот сморчок в мгновение ока отскочил и вновь очутился перед моим жеребцом! «Дорогу! – крикнул я с досадой. – Конь разгорячен и, того и гляди, собьет тебя с ног!» – «Э, нет, – прогнусавил коротышка и расхохотался еще глупей прежнего. – А где же денежки в награду? Ведь это я остановил вашу лошадь; а не то – лежать бы вам со своей лошадкой там, на дне оврага, ой-ой-ой!» – «Хватит корчить рожи! – крикнул я. – На, бери свои деньги, хоть все это и вранье, потому что спас меня вовсе не ты, ничтожная тварь, а вон тот добрый ручей!» – И швырнул золотой в его диковинную шапчонку, которую он, на манер нищего, протягивал мне. Я поехал прочь; но он продолжал кричать мне вслед и вдруг с непо-

стижимой быстротой вновь оказался подле меня. Я пустил коня галопом, он скачками несся рядом, хоть, видно, туго ему приходилось, и при этом извивался и корчился всем телом, так что глядеть на это было и смешно, и противно, и удивительно, да еще все время вертел над головой монету, взвизгивая при каждом прыжке: «Фальшивые деньги! Фальшивая монета! Фальшивая монета! Фальшивые деньги!» – И выдавливал это из глотки с таким хрипом, словно вот-вот после каждого возгласа рухнет замертво оземь. А из раскрытой пасти у него свешивался мерзкий красный язык. В растерянности я придержал коня и спросил: «Что ты кричишь? Чего тебе надо? Возьми еще золотой, возьми еще два, только отстань от меня!» Тут он снова начал отвешивать свои тошнотворно-угодливые поклоны и прогнусавил: «Нет, не золото, сударик мой, никак не золото! Этого добра у меня у самого вволю, сейчас покажу!» – и тут вдруг мне почудилось, что я вижу сквозь зеленый дерн, как сквозь зеленое стекло, а плоская земля стала круглой, как шар, и внутри ее копошились, играя серебром и золотом, маленькие кобольды³. Они кувыркались через голову, швыряли друг в друга слитками драгоценных металлов, прискали в лицо золотой пылью, а мой уродливый спутник стоял одной ногой внутри, другой снаружи. Те подавали ему груды золота, он, смеясь, показывал его мне, а потом со звоном швырял обратно в бездну. Потом снова показывал кобольдам мой золотой, и они до упаду хохотали и улюлюкали. А затем они потянулись ко мне своими почерневшими от металла пальцами, и – все быстрее и быстрее, все теснее и теснее, все яростнее и яростнее закружилась и забарахталась вокруг эта чертовня – тут меня, как раньше мою лошадь, охватил ужас, я прищпорил коня и, не разбирая дороги, вновь помчался вглубь леса.

Когда я наконец остановился, уже вечерело, потянуло прохладой. Сквозь ветви белела тропинка, которая, мне думалось, должна была вынести меня из леса в город. Я пытался пробиться к ней, но из-за листьев на меня глядело неясно белеющее лицо с все время меняющимися чертами. Я хотел объехать его, но куда бы ни повернул, оно было тут как тут. В ярости я решил наконец направить коня прямо на него, но тут оно брызнуло в глаза мне и лошади белой пеной, и, ослепленные, мы вынуждены были повернуть назад. И так оно теснило нас шаг за шагом прочь от тропы, оставляя свободным путь лишь в одном направлении. Когда же мы двинулись в ту сторону, оно следовало за нами по пятам, не причиняя, однако, ни малейшего вреда. Когда я изредка оглядывался, я видел, что это белое струящееся лицо сидело на таком же белом гигантском туловище. Порою казалось, что это движущийся фонтан, но мне так и не удалось увериться в этом. Измученный конь и всадник уступили белому человеку, который все время кивал нам, словно хотел сказать: «Вот так, вот так!» Понемногу мы добрались до выхода из леса, я увидел траву, и озеро, и вашу хижину, а длинный белый человек исчез.

– И хорошо, что исчез, – сказал старый рыбак и тут же заговорил о том, каким образом его гостю лучше всего добраться в город к своим.

Ундина начала потихоньку посмеиваться над ним. Хульдбранд заметил это и молвил:

– Мне казалось, ты рада, что я здесь; чего же ты веселишься, когда речь идет о моем отъезде?

– Потому что ты не уедешь, – отвечала Ундина. – Попробуй-ка, переправься через разлившийся лесной ручей на лодке, на коне или пешком; как тебе будет угодно. Или лучше, пожалуй, не пробуй, потому что ты разобьешься о камни и стволы, которые уносит течение. Ну, а что до озера, то тут уж я знаю – отец не слишком далеко отплывет на своем челноке.

Хульдбранд с улыбкой встал, чтобы взглянуть, так ли это, как сказала Ундина; старик пошел с ним, а девушка, шутя и дурачась, последовала за ними. Все оказалось так, как сказала Ундина; и рыцарю пришлось уступить и остаться на косе, превратившейся в остров, до тех пор, пока не спадет вода. Когда они втроем возвращались в хижину, рыцарь шепнул на ухо девушке:

³ «...внутри ее копошились, играя серебром и золотом, маленькие кобольды». По германской мифологии, кобольд – дух природы, подобие русского домового; обычно представляется в виде карлика.

– Ну как, Ундина? Ты недовольна, что я остался?

– Ах, перестаньте, – ответила она, нахмуясь. – Если бы я не укусила вас, кто знает, сколько бы вы еще порассказали об этой Бергальде.

Глава пятая. О том, как рыцарь жил на косе

Тебе, быть может, доводилось, любезный читатель, после странствий и блужданий по белу свету оказаться в таком месте, которое пришлось тебе по душе; заложенная в каждом из нас любовь к своему очагу и мирное спокойствие вновь пробудилось в твоём сердце: родной край со всеми цветами детских лет улыбнулся тебе, и чистой искренней любовью повеяло от дорогих могил; вот здесь-то и нужно селиться и ставить свою хижину. Быть может, все это заблуждение, в котором ты потом мучительно раскаешься, – не в этом суть, да и сам ты вряд ли захочешь растревлять себе душу горьким привкусом воспоминания. Нет, лучше пробуди в памяти то невыразимо сладостное предчувствие, то ангельское умиротворение, и тогда ты хотя бы отдаленно сможешь представить себе, что было на душе у рыцаря Хульдбранда, когда он жил на косе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.